

ИГУМЕН ВЕНИАМИН (НОВИК)

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ПРОТ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Христиане должны стремиться к усовершенствованию социального строя

С.Н. Булгаков[1]

Существует ли какая-либо связь между религией и политикой, между духовностью и социальностью? Причем связь не только на уровне взаимодействия церкви и государства как общественных институтов, а связь глубинная; например: возможна ли религиозная мотивация для вмешательства в политику?

Политика бывает, конечно, разная. Но упрощенно говоря, есть два вида политики:

1. Архаическо-интегральная политика. Здесь предполагается этническо-религиозное единство. Кто не в единстве, «тем хуже для него», образно говоря. Свобода личности здесь как бы не нужна. Зато много говорится об обязанностях. В России это выражалось в известной парадигме: «православие, самодержавие, народность». Русский коммунизм был суррогатом той же парадигмы.

2. Либерально-правовая политика. Здесь предполагается верховенство закона, стоящего на страже свободы и достоинства каждого человека не зависимо от его взглядов. Свобода здесь определяется как свобода мировоззрения, вероисповедания, слова, печати, собраний, передвижения. Границей свободы человека является свобода других людей. Государство следит за ненарушимостью этой границы.

Если первая политика хорошо сочетается с монархией и государственной церковностью, то со второй политикой дело обстоит значительно сложнее. Здесь требуется ориентация на максимальную свободу личностей при жестком соблюдении внешнего порядка. Требуется идеологический и религиозный плюрализм при нейтралитете государства, наличие тщательно продуманных демократических процедур.

Сущность христианского социализма состоит в признании религиозной значимости близких социально-политических структур. Христианский социализм по сути дела есть христиански осмысленная социальная этика.

Христианский социализм сочетается только со второй политической моделью, и он имеет два основных измерения:

1. Либеральное измерение, основанное на ориентации на уважение к человеку сотворенному по образу и подобию Бога, к его свободе с соответствующей поддержкой таких социально-политических структур, которые не допускают надругательства над человеком. Либерализм здесь понимается как культура уважения к внешней свободе человека, не нарушающей свобод других людей. Закон предотвращает такие нарушения. Сущностью права здесь полагается свобода[2].

2. Социальное измерение, основанное на организованной заботе о слабых членах общества.

Христианский социализм как духовно-интеллектуальное движение возник в начале XIX в. Это был

своеобразный ответ христиан на социальную проблему неблагополучия больших социальных групп. Характерно название одной из работ Сен-Симона — «Новое христианство». Деятели христианского социализма хорошо известны: Ф. Ламенне (Франция), Г. Кингсли (Англия), В.Э. Кеттелер (Германия). В Католической церкви в Европе давно развивались идеи социального христианства. В 1891 г. они получили официальное выражение в известной социальной энциклике «*Rei Novarum*» папы Льва XIII. Это привело к постепенному созданию развитого социального учения Католической церкви, где предлагаются ответы с христианской точки зрения на все вопросы, имеющие этическое измерение, в том числе межрелигиозные, культурные и социально-экономические. Христианский социализм стал возможен благодаря применению рациональных принципов к сердцевине христианского благовестия. Произошло как бы расширение принципа любви, распространение его с персоналистического уровня на социальный. В.С. Соловьев называл это любовью к справедливости.

В США, начиная примерно с 1880 г. до начала Великой депрессии 1929 г., было целое движение в среде евангелических христиан, которое было частью Великого Пробуждения (*Great Awakening*) в Америке (третьего по счету), получившее название «Социальное Евангелие» (*Social Gospel*). Это движение пыталось с христианской точки зрения дать ответы на социальные проблемы того времени. Конечно, это не было чем-то радикально новым. Тесная связь между личной религиозностью и социальной ответственностью людей была характерна и для предыдущих Великих (религиозных) пробуждений в США, начиная с XVIII в.

Это была одна из причин преодоления последнего серьезного экономического кризиса 1929 г. и постепенного построения современного общества в США.

В Стокгольме (1925 г.) состоялась учредительная конференция одного из направлений всемирного экуменического движения «Жизнь и деятельность» (*Life and Work*), в которой принимала участие православная делегация во главе с патриархом Александрийским Фотием. Там была создана постоянная международная организация для разработки вопросов социального христианства.

С.Н. Булгаков писал: «Православная Церковь *de facto* определила своё отношение к социальному вопросу. Правда, доселе так и не было дано «вероятного определения» о природе социализма ни в русской церкви, ни во вселенском православии. Но социализм, как социально-экономическая доктрина, вовсе и не является вопросом верования». С. Булгаков считал, что «цель социализма, понятая как осуществление социальной справедливости, защиты слабых, борьбы с бедностью, безработицей, эксплуатацией, — в такой степени нравственно самоочевидна, что разногласие может быть только относительно практической целесообразности или осуществимости тех или иных мероприятий»^[3].

Религия, таким образом, может побуждать людей не только к личному благочестию и благотворительности, но и к честной работе в «миру», к улучшению политической и экономической систем, к доброжелательному диалогу со всеми людьми доброй воли. Т. е. к активности в той сфере, которую традиционная религиозность полагает светской (религиозно нейтральной).

С. Булгаков высоко отзывается о протестантской трудовой этике, легализовавшей активность христианина в этой сфере, в своей статье «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909).

В России по разным причинам религиозных пробуждений не было, но сама идея «социального евангелия» (без употребления этого термина) примерно в то же время на маргинальном уровне всё же имела. В конце XIX в. её развивал В.С. Соловьев в качестве составной части своего учения о Богочеловечестве. Ранее П. Я. Чаадаев, говоря о влиянии христианства на западную цивилизацию, имел в виду и её социальный аспект, хотя и не говорил прямо о христианском социализме.

Рассуждения В.С. Соловьёва о «правде социализма», о «христианской политике» по своему духу хорошо вписываются в философию «христианского социализма».

Ни П. Чаадаев, ни В. Соловьёв не были поняты общественностью, что объяснялось особенностями российской религиозности — то, что сегодня называют «духовностью», ассоциировалась в узко-монашеских кругах с отрешенной спиритуальностью, морализмом и фатализмом («на всё воля Божия»), а на бытовом уровне — с обрядом и с официальной казенной церковностью.

Главная сложность, таким образом, здесь состояла (и продолжает состоять!) не столько в обычной трудности осмысления религиозной значимости безличных социальных структур как таковых, сколько в религиозном осмыслении социально-правовых структур, соответствующих модернизированному (либеральному) общественному режиму и десакрализованному государству.

Религиозность, с одной стороны, касается самых интимных глубин человеческой души, что может способствовать интровертивному типу сознания, а с другой (что значительно реже) — может пробуждать в людях чувство ответственности за происходящее вокруг, способствовать внешней активности. В одном человеческом сознании редко совмещается и то и другое. Психических ресурсов, что называется, не хватает.

Здесь многое определяется также тем, где проводится линия между религиозным и светским (которое обычно изымается из религиозного дискурса и из сферы христианской ответственности). При понимании христианства как этической, а не магической религии (где существует жесткое различие между сакральным и профанным), проблема соотношения добра и зла не изымается из сферы светского.

Именно так в духе этического универсализма, включающего в себя и социальную этику, не знающую жесткого разделения на религиозное и светское, понимали христианство П. Чаадаев, В. Соловьёв, С. Булгаков, Г. Федотов, С. Франк, Н. Бердяев. Они были теми немногими, которые совместили в своём сознании христианскую и социальную парадигмы в их иерархическом соподчинении, предложили концепции христианских гуманизма и социализма.

XIX в. был веком социального вопроса. Религиозность в России становилась всё более социально маргинальной, поэтому русский коммунизм оказался атеистическим. Интеллигенция в то время была увлечена новомодным марксизмом. Прошел через него вместе с другими и С. Булгаков, точно указав на самое слабое место марксизма: неадекватную антропологию, редуцирующую человека к социальному фактору, представляющую человека функцией социальной среды. Преодолев марксизм, Булгаков обретает новое понимание идеализма, христианства, православия.

С. Булгаков мыслит христианскую актуализацию в социальной сфере в духе аналогичных концепций В.С. Соловьёва. Так он писал в своём сборнике статей «От марксизма к идеализму» (1903):

«Идеализм в России родился и стоит под знаком социального вопроса и теории прогресса. Он нужен его представителям не затем, чтобы уйти от земли и её интересов — на небо ли, или в «болото реакции», или куда-нибудь ещё, — но чтобы придать абсолютную санкцию и тем непрерываемо утвердить нравственные и общественные идеалы; поэтому он не мирит с действительностью, а зовет к борьбе с ней во имя абсолютного идеала. Между марксизмом и идеализмом, при всей противоположности их в области «теоретического разума», существует поэтому значительная близость в сфере «разума практического», социальных стремлений и идеалов. Идеалы социальной справедливости и общественного прогресса, свободы и равенства, политического либерализма и социального демократизма или социализма с необходимостью вытекают из основных принципов философского идеализма; они не только не составляют монополии марксизма или какой-нибудь другой доктрины, но лишь на этих принципах и могут вообще обосновываться»^[4].

Вместо старого, изрядно одряхлевшего и бессильного идеализма С. Булгаков предлагает волевой, действенный идеализм, — философско-этическую проекцию универсально понятого христианства как глобального проекта. Такой идеализм не отворачивается ни от материи, ни от политики, а ставит задачу преобразования этих сфер. Вслед за В.С. Соловьёвым, он называет себя «религиозным материалистом», использует методологию «критики отвлечённых начал». Одним из таких начал

является отвлечённый спиритуализм. С. Булгаков, в духе В.С. Соловьёва, убедительно показывает нравственную обязанность христианина отвечать не только за свою душу, но и за целое общество.

Кроме того, старый добрый идеализм получил, по мнению С. Булгакова, как бы новый импульс-прививку от молодого энергичного марксизма. Он называл марксизм «источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным бродилом», «первым горячим ручейком, растопляющим зимний лёд»[5]. Это новое понимание идеализма и религиозности, просветляющих все сферы и составило сердцевину известного «нового религиозного сознания» начала XX в.

Наиболее ярко С. Булгаков представил свои взгляды на социальный вопрос в статье «Неотложная задача» (журнал «Вопросы жизни», 1905, сент.). Там говорится: «По учению христианства история есть богочеловеческий процесс, в котором собирается и организуется единое человечество, «тело Христово». Для этой задачи мало одних усилий личного усовершенствования и душеспасительства, но необходимо воздействие и на общественные формы и на внешние отношения людей между собою, необходима не только личная, но и социальная мораль, т. е. политика. Политика есть средство внешнего устройства человечества, и в этом смысле средство хотя и преходящего значения, но неоспоримой важности. Для того, чтобы отрицать политику и общественность, нужно отрицать историю, а для того, чтобы отрицать значение истории, нужно отрицать и человечество, как целое, рассыпая его единое тело на атомы — отдельные личности; наконец, отрицая целокупное человечество, неизбежно приходится отрицать, в конце концов, Христа и христианство. Отсюда вывод: христианин не может и не должен быть индифферентен к задачам политики и общественности, выдвигаемым современностью»[6].

«Пора, наконец, понять в самом деле, что Христова заповедь: одеть холодного, накормить голодного, посетить заключённого в тюрьме — исполняется в настоящее время более чем в какой бы то ни было другой форме посредством сложной социальной техники — социального законодательства, рабочих организаций, стачек, кооперативного движения. Ведь если искренне желать исполнять заповедь Христову, то нужно и уметь её исполнять, знать нужные и пригодные средства к её исполнению. Все это совестно и скучно говорить и доказывать, и было бы совершенно излишне на Западе и в Америке, где движение так называемого христианского социализма давно не новость, но, к сожалению, приходится у нас»[7].

Более того, С. Булгаков во многих работах утверждает по-христиански понятый западный правовой либерализм, в основе которого лежит уважение к человеческой личности, сотворённой по образу и подобию Бога[8].

«Христианской формой правления по преимуществу является никоим образом не деспотический автократизм татарско-турецкого типа, возведённый в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью, но федеративная демократическая республика, как это хорошо понимали в своё время английские диссиденты, эмигрировавшие в Америку. Какова бы ни была форма политического устройства, она должна ограждать естественные священные права человеческой личности: свободу слова, свободу совести, свободу общения людей между собой, иначе говоря, свободу союзов и собраний и т.д., и должна исключать сословные и всякие иные привилегии, нарушающие правовое равенство людей. Эти права должны быть аксиомой христианской политики»[9].

«Христианская история знает власть, признающую себя утверждённой Божией милостью и осуществляющуюся народом, а не царём: таков в Америке строй на основе права человека и гражданина как сына Божия»[10].

«Не менее ясны христианские идеалы и в области социальной политики. Если недопустимо политическое порабощение, то ещё менее простительно порабощение экономическое, как более жестокое и унижительное, превращающее человека в вещь и средство для удовлетворения низших потребностей»[11].

С.Н. Булгаков в 1905 г. жестко критиковал современный ему капитализм. Он призывал к общности имущества, которая была характерна для благодатно-анархического коммунизма первых христиан. Но он решительно отвергал тотальную якобы необходимую связь христианской экономики с христианской общиной (по аналогии с церковным хозяйством в монастырях). Признавая удачное ведение хозяйства в некоторых монастырях, Булгаков не мыслил экономическое устройство России по типу монастырского, как это делают некоторые околоцерковные моралисты сегодня. С. Булгаков говорил не о «церковном (или клерикальном) социализме», а о «экономическом социализме» для всех граждан независимо от вероисповедания.

Булгаков понимал социализм как необходимое условие для материального благоустройства людей, называя такой социализм «нейтральным», понимая его как «социальную технику», в противоположность социализму «научному», как идеологизированной псевдорелигии.

В статье «Неотложная задача», содержится проект программы «Союза христианской политики» (далее: СХП). Завет Христа (одеть нагих, накормить голодных, заботиться об узниках) может быть решен только посредством социального законодательства, с помощью профсоюзов, кооперативов, объединений трудящихся, посредством всего того, что на Западе называют «христианским социализмом». С. Булгаков определял «христианский социализм» как «социализм во имя Богочеловечества» в отличие от марксизма как «социализма во имя религии человекобожества»^[12].

В христианском социализме, по С. Булгакову, кроме собственно социализма, как техники социальной справедливости, должен быть ещё один очень важный аспект, о котором много писал ранее В.С. Соловьёв. «Учением о Богосыновстве, об абсолютном достоинстве человеческой личности, носящей образ Божий, христианство утвердило непоколебимые основы всякого освободительного движения — идеал свободы личности. Идеал свободы личности и уважения человека к человеку и должен быть руководящей идеей христианской политики в области отношений как политических, так и экономических»^[13].

Задачи христианской политики могла бы решать христианская общественность, а пока предполагаемый «Союз христианской политики» мог бы, по мнению С.Н. Булгакова, сотрудничать в деле реализации «правды социализма» с социалистическими и социал-демократическими партиями. Члены предполагаемого СХП могли вступать в другие партии, чтобы там продвигать идеи христианской политики. Опасаться следовало только превращения социализма в псевдорелигию, что и произошло несколько позже в России. Самому СХП не обязательно было становиться политической партией, он мог бы быть фактором формирования христианской общественности.

Христианскую общественность с её «новым религиозным сознанием» не так легко определить. Но можно попытаться это сделать, исходя от противного. Так, С. Булгаков писал: «В среде христиан, вернее, лжехристиан, существуют только два отношения к общественным и политическим вопросам: или черносотенное, или мертворовадноушное. Конечно, среди исповедующих истины христианства есть немало лиц, вовсе не индифферентных к общественности и принимающих горячее участие в делах современности, но они делают это не как христиане, а как политики, выполняя какое-то внешнее, нерелигиозное дело»^[14]. Задача, таким образом, состояла в том, чтобы создать новое (третье) измерение в христианском сознании, которому бы соответствовало христианское осмысление «правды социализма» и прав человека.

Важно отметить, что СХП должен был быть открыт всем людям (в том числе и не христианам), разделяющим идею христианской политики. С. Булгаков предостерегал предполагаемый СХП от возможности клерикализации, борьбы за собственные групповые интересы, печальный пример чего он видел в немецкой христианской партии «Zentrum».

По поручению митр. Тихона, будущего Патриарха Всея Руси, С. Булгаков выступил на Первом Всероссийском съезде духовенства и мирян (2. 06.1917) на тему: «Церковь и демократия». В послеэзфорийной атмосфере февральской революции С. Булгаков, рассматривая демократию в социально-техническом смысле в должной соподчинённости высшей Истине, о которой

свидетельствует Церковь, предостерегал в своей речи от абсолютизации демократических методов, от идолопоклонства перед новой демократией.

В своём докладе «Об отношении Церкви к государству» на Поместном Соборе Православной Российской Церкви (1917 г.) С. Булгаков, вопреки своим прежним высказываниям, выступил против отделения Церкви от государства. «Такое требование подобно желанию, чтобы солнце не светило, а огонь не согревал». Он полагал, что «государство Российское, если оно не хочет отрывать себя от духовных и исторических своих корней, само должно охранять первенствующее положение Православной Церкви в России»^[15].

Начиная с 1918 г., прот. Сергей Булгаков, ощутив бесперспективность идей христианского социализма в России, отходит от «мирских» тем, но не изменяет своим теоретическим взглядам на христианский социализм до последних своих дней.

В одной из своих поздних книг «Православие» он писал: «Пророки Израиля имели в составе своей проповеди социальные мотивы, поэтому в них не без основания видят ранних провозвестников социального христианства на ветхозаветной основе». «В православном предании, в творениях вселенских учителей Церкви (свв. Василий В., Иоанн Златоуст и др.) мы имеем совершенно достаточное основание для положительного отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле, как отрицания системы эксплуатации, спекуляции, корысти». Русский социализм оказался безбожным и богоборческим. «Однако возможен иной, так сказать, свободный и демократический социализм, и, думается нам, его не миновать истории. И для православия нет никаких причин ему (свободному и демократическому социализму — В.Н.) противодействовать, напротив, он является исполнением заповеди любви в социальной жизни».

Важно, что прот. С. Булгаков связывает развитие такого социального христианства с пророческим служением. «Речь идет о большем, даже неизмеримо большем, нежели «христианский социализм» в разных его видах, как он существует во многих странах. Речь идёт о новом лике христианства общественного, о новом образе церковности и творчества церковного социального; то, что ныне называется социализмом, есть только один из внешних прообразов того изобилия даров, которые содержит в себе Церковь. Да, и христианство имеет свою социальную и коммунистическую «утопию», которая совершится здесь на земле, и имя ей на языке ветхозаветных и новозаветных пророчеств есть Царствие Божие, которое принадлежит в полноте своей будущему веку, но явлено будет — во свидетельство истины — ещё здесь, на земле». Но «православие не может себя связать ни с каким из существующих классов, как таковым (хотя это и хотят ему навязать справа и слева). Христианство стоит выше классов с их ограниченностью и эгоизмом. Ещё меньше оно может быть связано с какой-либо одной определенной системой хозяйственной организации, для каждой из которых существует историческая очередь».

Для прот. С. Булгакова самоочевидны следующие два положения.

«Первое положение состоит в том, что православие не стоит на страже частной собственности как таковой, даже в той степени, в какой это делает католическая Церковь, видящая в ней установление «естественного права» (Энциклика Папы Льва XIII *Rerum Novarum* и др.). Частная собственность есть исторический институт, который все время меняется в своих очертаниях, как и в своём социальном значении, и ни один из образов её существования не имеет самодовлеющего, пребывающего значения.

Второе положение состоит в том, что православие не может защищать капиталистической системы хозяйства как таковой, ибо она основана на эксплуатации наёмного труда, хотя и может до времени мириться с ним ввиду его заслуг в поднятии производительности труда и его общей производственной энергии... Но есть одна высшая ценность, при свете которой и нужно давать сравнительную расценку разных хозяйственных форм. Это есть свобода личности, правовая и хозяйственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи. Поэтому в своих суждениях о

хозяйственных формах и отношении к ним православие исторично. Это есть область релятивизма средств, при неизменности цели».

Догматическим обоснованием христианского социализма, по прот. С. Булгакову является «общая идея Церкви, которая, подобно закваске, действует во всём мире, а эта идея есть не что иное, как идея боговоплощения. Христос принял человеческое естество во всей его полноте и во всем его историческом объёме. Освящение и искупление, и конечное преображение относятся не только к личному бытию, но и к человеческому роду, к социальному бытию, — о нём вопрошается и по нему судится человек на Страшном суде. И христианская общественность несет эти новые заветы боговоплощения, которое раскрывается в силе своей во все времена человеческой истории разными своими сторонами, и в наше время хочет раскрыться в области социальной»^[16].

Важно заметить, что концепция христианского социализма включает в себя признание общечеловеческих ценностей. «Противопоставляясь в том, в чем существует глубокая и непримиримая противоположность между христианским и языческим отношением к социализму, не следует без крайней необходимости разъединяться в том, что соединяет, является общим, и в преследовании таких объективных задач следует идти в стройной армии прогресса, в общих рядах социализма, ибо в социализме как хозяйственной организации содержится христианская идея, заложено организующее начало социальной любви»^[17]. На практике это означает открытость Церкви к сотрудничеству со всеми людьми доброй воли.

Сущность христианского социализма, таким образом, состоит в концептуальном сочетании «правды социализма» и христианской этики. Получается христианская социальная этика, которая представлена в Социальной доктрине Католической церкви и в Основах Социальной Концепции Русской Православной Церкви.

До сих пор в России религиозность понимается как «частное дело граждан» (чуть ли не на уровне патриотического или эстетического вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят). Конечно, это частное дело в том смысле, что принадлежность к определённому вероисповеданию не должна как-либо сказываться на социально-правовом статусе граждан. Но отсюда не следует, что религия (как частный случай мировоззрения) не может быть ориентационным и мотивирующим фактором в политической деятельности как отдельного человека, так и группы или партии.

Причиной отрицания христианского социализма в России является и тип русской религиозности с жестким делением на светское и церковное, духовность в восточном стиле понимается как образ внутреннего совершенствования. Всякая попытка привнести христианские принципы в общественную жизнь (не в духе триады «православие, самодержавие, народность», а в духе принятия либерально-правовых ценностей) вызывает отторжение и в среде церковных людей, и в среде светских людей.

Есть и общая причина неприятия идей христианского социализма в России, связанная с неудачей социально-политической модернизации. Социально-правовой модернизм (либеральная модель права), как известно, связан с рационализмом и естественным правом. Специфика же православно-славянофильского типа сознания состояла и в том, что рационализм рассматривался исключительно с моралистической точки зрения как мелочная расчетливость и формализм, которым противопоставлялась «сердечность веры»^[18]. Большие проблемы были и с естественным правом.

Эти причины привели к быстрому вырождению российских христианско-демократических партий, возникших во время «перестройки».

Церковь как организация не участвует в политике, но в правовом демократическом государстве ничто не должно препятствовать гражданам объединяться по любым мировоззренческим (включая религиозные) принципам, получать легальный статус (юридическое лицо). Основы Социальной Концепции, принятые на Архиерейском Соборе в 2000 г., предусматривают создание партий на

религиозной основе. Чтобы политические провалы и скандалы не компрометировали Церковь, последняя в лице священноначалия не преподает благословения таким партиям. В целом, Основы Социальной Концепции, если только государственные законы этому не воспрепятствуют, открывают путь для создания христианско-демократических партий. Идеи прот. Сергия Булгакова могут быть востребованы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Булгаков С.Н. «Христианство и социальный вопрос» // Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: РХГИ, 1997. С. 132.

[2] Так понимали право В.С. Соловьёв и Е.Н. Трубецкой.

[3] Булгаков С.Н. Православие и социализм // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1997. С. 566–568.

[4] Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т.1. С. 3–4.

[5] Там же. С.4. (Вопрос о влиянии марксизма на «новое религиозное сознание» остаётся открытым. — *В.Н.*).

[6] Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 31.

[7] Там же. С. 36–37.

[8] См. напр: Булгаков С.Н. О социальном идеале // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 1. С. 251—274.

[9] Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики). С. 33–34. При современном почти поголовном российском антизападничестве высказывания С. Булгакова представляют особый интерес.

[10] Булгаков С.Н. Христианская социология // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. С. 545. В то время, когда марксисты твердили о грабеже колоний С. Булгаков писал: «Без благочестия неосуществимо хозяйственное богатство. История современного хозяйства особенно связана с Англией, а в Англии появление нового типа капиталистов в недавнем прошлом было связано с особым видом религиозного благочестия... Если современная Англия достигла своего экономического господства, то это потому, что в ней с усиленным трудом соединяется аскетический дух и чистота семейной жизни» (Христианская социология. С. 556–557).

[11] Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики). С. 34.

[12] Там же. С. 43.

[13] Там же. С. 32.

[14] Там же. С. 29.

[15] Булгаков С.Н. Православие и социализм. С. 293.

[16] Булгаков С.Н. Православие (Очерки учения Православной церкви). Киев, 1991. С. 209–213.

[17] Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос. С. 139–140.

[18] С социо-психологической точки зрения здесь «сердечность села» противопоставляется «черствости города».